

ныхъ, которыя разсѣяны по разнымъ богослужебнымъ книгамъ и агиографическимъ сборникамъ. Последнее тѣмъ отряднѣе встрѣтитъ въ студенческомъ сочиненіи, что подобнаго рода источники, будучи окружены высокимъ авторитетомъ въ практикѣ церковно-религіозной жизни, какъ-то обѣгаются школьнымъ богословіемъ. Кромѣ указанныхъ пособій, авторъ пользовался твореніями уважаемыхъ новѣйшихъ церковныхъ писателей, греческихъ и русскихъ.

Самое содержаніе своего труда авторъ не разграничилъ особыми заглавіями, но тѣмъ не менѣе рѣчь его весьма послѣдовательно переходитъ съ предмета на предметъ, хотя и безъ предпосланнаго раздѣлительнаго принципа. Послѣ краткаго истолкованія библейскихъ изреченій о таинствѣ исповѣди, авторъ приступаетъ къ перечисленію необходимыхъ свойствъ духовника и самого кающагося, а затѣмъ раскрываетъ порядокъ исповѣди и излагаетъ его чинопослѣдованіе съ соотвѣтствующими разъясненіями, историческими и нравственными. До сихъ поръ содержаніе диссертации преимущественно догматическое и каноническое, а далѣе излагается собственно патрологическая сторона темы. Здѣсь на основаніи святоотеческихъ изреченій и авторитетныхъ мнѣній богослововъ, а отчасти и собственныхъ соображеній, авторъ говоритъ объ условіяхъ правильнаго назначенія епитимій и запрещенія и приводитъ нѣсколько руководящихъ совѣтовъ духовнику по поводу различныхъ настроеній и положеній кающагося. Нужно сказать, что этотъ послѣдній существенный пунктъ темы изложенъ слишкомъ кратко. Нѣкоторые весьма трудные для духовнаго уврачеванія недуги, напр. уныніе, страхи, самообольщеніе и др., остаются безъ всякаго упоминанія. Подробнѣе другихъ случаевъ исповѣди, и даже съ похвальною полнотою, изложено авторомъ руководство духовнику при исповѣди умирающихъ. Въ заключеніи авторъ подвергаетъ критикѣ исповѣдь у христіанъ инославныхъ. При большей обработкѣ матеріала и распро-

страненіи нѣкоторыхъ частей сочиненіе составило бы полезную статью въ одномъ изъ изданій по практическому богословію, степени же кандидата богословія оно заслуживаетъ и въ настоящемъ видѣ“.

О сочиненіи студента *Виноградова Ивана* на тему: „Святитель Иннокентій, первый Епископъ Иркутскій“:

„Авторъ съ большимъ тщаніемъ собиралъ свѣдѣнія объ изучаемомъ предметѣ, какъ біографіи св. Иннокентія и историческіе матеріалы о его жизни, разбросанные по журналамъ, такъ и различныя свѣдѣнія о современномъ Святителю бытовомъ и нравственномъ состояніи Сибири. Треть сочиненія посвящена на изложеніе житія Иркутскаго Чудотворца, а двѣ трети на описаніе его архипастырской дѣятельности. Слѣдуя обширному труду Епископа Модеста, авторъ безъ нужды внесъ въ свое сочиненіе множество мелочныхъ свѣдѣній объ одножилцахъ св. Иннокентія въ Малороссіи, хотя эти свѣдѣнія не проливаютъ свѣта на его происхожденіе. Вторымъ недостаткомъ біографіи является отсутствіе характеристики, правда отчасти извинительное по малочисленности біографическихъ данныхъ. Достоинство біографіи—возможная въ настоящее время полнота ея.

При описаніи дѣятельности Иркутскаго Святителя авторъ руководился архивными свѣдѣніями изъ Иркутскихъ епархіальныхъ вѣдомостей. Естественно, что онъ могъ по нимъ изучить одну внѣшнюю, формально-административную дѣятельность св. Иннокентія; но къ чести своей онъ не приминулъ подмѣчать въ этихъ немногихъ формальныхъ распоряженіяхъ нѣкоторыя стороны духа Святителя, которыя вполне согласуются съ извѣстіями о его келейной жизни, свидѣтельствующими о самоотверженной ревности Угодника, растворенной благоснисхожденіемъ къ человѣческимъ немощамъ. Жаль, что авторъ не пополнилъ этихъ чертъ духа св. Иннокенія разборомъ его проповѣдей, при которомъ

возможно было бы составить болѣе обстоятельную характеристику. Тогда бы его сочиненіе болѣе совершенно выполняло свое отношеніе къ наукѣ Пастырскаго Богословія, чѣмъ нынѣ, когда оно болѣе тѣсно примыкаетъ къ исторіи церкви, впрочемъ вполне заслуживая автору степень кандидата богословія и достойной всякаго одобренія за трудолюбіе и интересъ сообщаемыхъ свѣдѣній“.

О сочиненіи студента *Витовинскаго Емельяна* на тему: „Состояніе религіознаго воспитанія въ Россіи въ эпоху вліянія энциклопедизма“:

„Сочиненіе состоитъ изъ двухъ, довольно обширныхъ частей. Въ первой предлагается историческое описаніе энциклопедизма и предшествовавшихъ ему философскихъ теченій во Франціи и Англии; во второй части рѣчь идетъ о состояніи русскаго просвѣщенія до времени Екатерины II-й, и наконецъ излагаются довольно подробно педагогическія воззрѣнія самой Императрицы-писательницы. Закончить своего сочиненія авторъ не успѣлъ за множествомъ ученаго матеріала, но заключилъ вторую главу общою оцѣнкой воспитательныхъ идей прошлаго вѣка. Интересъ темы заключается въ рѣшеніи вопроса: насколько осуществимы попытки религіозно нравственнаго воспитанія, чуждающагося церкви, того воспитанія, которое старались изобресть отдѣлившіеся отъ католицизма моралисты прошлаго вѣка и ихъ русскіе подражатели? Авторъ, подвергая критическому разсмотрѣнію взгляды Локка, Руссо и русскихъ педагоговъ XVIII-го вѣка, приходитъ къ справедливому выводу, что означенные педагоги въ области религіозной и нравственной вращались въ безплодныхъ словоизверженіяхъ, строили различныя системы, совершенно неприспособляемыя къ душѣ ребенка, вовсе не сродной къ усвоенію этическихъ абстракцій, лишенныхъ церковно-библейскаго жизненнаго основанія, столь легко усваиваемаго неиспорченною дѣтскою природою.

Свои выводы авторъ построилъ на почвѣ тщательнаго

изученія названныхъ энциклопедистовъ-педагоговъ, также сочиненій Екатерины II-й, Новикова, Фонъ-Визина и современныхъ историковъ литературы. Нужно однако замѣтить, что усердіе это повлекло автора слишкомъ далеко, такъ что каждый отдѣлъ своего сочиненія онъ начинаетъ едва не съ Адама: исторія энциклопедизма у него идетъ съ Декарта, а состояніе русскаго просвѣщенія въ XVIII вѣкѣ предваряется отступленіемъ въ глубь исторіи до Владиміра Святаго включительно. Поэтому читатель съ несравненно большимъ удовольствіемъ читаетъ критическія главы диссертациі, изложенныя кратко „ясно и основательно. Сочинитель заслуживаетъ кандидатской степени“.

О сочиненіи студента *Воскресенскаго Александра* на тему: „Церковно-общественные идеалы славянофиловъ“:

„Авторъ добросовѣстно изучилъ главнѣйшія сочиненія двухъ Аксаковыхъ, Кирѣевскаго, Хомякова, Самарина, касается Достоевскаго и протоіерея Иванцова-Платонова, принимавшаго дѣятельное участіе въ Аксаковской „Руси“. Правда отъ вниманія автора ускользнули нѣкоторыя письма Самарина къ баронессѣ Роденъ о предметахъ церковной жизни, а также статьи различныхъ авторовъ о значеніи Хомяковскаго богословствованія, но эту неполноту нельзя поставить въ упрекъ автору, такъ какъ означенные источники къ его темѣ не вошли въ собранія сочиненій помѣченныхъ писателей, сочиненій многочисленныхъ и требующихъ чтенія внимательнаго, непоспѣшнаго. Плодомъ такого чтенія явились слѣдующія пять главъ въ разбираемой диссертациі: 1) введеніе -- общія свойства славянофильскаго движенія; 2) ученіе славянофиловъ о психическихъ основахъ религіи; 3) объ отношеніи церкви къ государству; 4) объ устройствѣ церковнаго управленія и 5) о церковномъ учительствѣ. Намъ думается, что только послѣднія три главы имѣютъ прямое отношеніе къ темѣ, но и въ этихъ главахъ авторъ далъ мѣсто многимъ разсужденіямъ, имѣющимъ довольно

отдаленную связь съ его задачей, именно онъ излагаетъ съ ненужною обстоятельностью историческія изслѣдованія славянофильскихъ ученыхъ о каждомъ почти вопросѣ церковной жизни, а въ заключеніи лишь нѣсколькими словами, и то не всегда, силится опредѣлить богословскую, логическую и практическую цѣнность ихъ выводовъ. Критическія замѣчанія автора имѣютъ при томъ характеръ „внутренней критики“, т. е. направлены къ отысканію логическихъ противорѣчій въ ученіи русскихъ мыслителей или же, въ рѣдкихъ случаяхъ, согласія автора съ послѣдними, выражаются въ краткомъ заявленіи, что тотъ или иной доводъ или взглядъ Хомякова или Аксакова „совершенно справедливый“. Обобщеній, объединенія разрозненныхъ сочиненій славянофильскихъ писателей у автора нѣтъ почти вовсе. Самое содержаніе излагаемаго имъ ученія выбрано преимущественно изъ области административной, законодательной, причемъ авторъ не удѣлялъ никакого вниманія стремленіямъ славянофиловъ сблизить духовенство и богословіе съ обществомъ, ознакомить съ религіей народа учащееся юношество.

Впрочемъ, если эта неполнота по всей справедливости должна быть признана извинительною въ виду множества матеріала, то особенной похвалы должно заслуживать умѣніе автора излагать намѣченныя имъ стороны славянофильскаго ученія обстоятельно, ясно, нерастянута и безпристрастно. Справедливо указывая на то, что нѣкоторыя идеи славянофиловъ, какъ напр., недоказуемость истинъ вѣры, были плодомъ предвзятыхъ философскихъ заблужденій, авторъ воздастъ нашимъ патріотамъ заслуженную дань уваженія въ тѣхъ случаяхъ, когда свои мнѣнія они основываютъ на церковномъ преданіи, напр., въ главѣ 3-й и отчасти 4-й. Трудолюбивое изслѣдованіе, основательно знакомящее читателя со многими предметами самобытнаго русскаго богословствованія и церковной публицистики, заслуживаетъ автору степень кандидата богословія“.

О сочиненіи студента *Всѣхсвятскаго Константина* на тему: „Патріархъ Никонъ, какъ пастырь Церкви“:

„Личность великаго патріарха была предметомъ многочисленныхъ изслѣдованій духовныхъ и свѣтскихъ ученыхъ и даже беллетристовъ. Но большую часть этихъ авторовъ интересовала или государственная дѣятельность Никона, или книжно-исправительная, или отношеніе его личныхъ цѣлей и притязаній къ его общественнымъ предпріятіямъ; самое же содержаніе церковныхъ идей, учреждений и стремленій, вдохновлявшихъ эту единственную въ русской исторіи личность, почти вовсе не останавливала на себѣ серіознаго вниманія изслѣдователей. Въ виду сказаннаго, автору разбираемой диссертациі предложено было поискать въ многочисленныхъ и столь разнообразныхъ начинаніяхъ патріарха объединяющую ихъ мысль, или употребляя современное выраженіе, тотъ идеаль вселенской церковной жизни, къ которому старался вести Никонъ порученное ему стадо. Кромѣ того авторъ долженъ былъ опредѣлить по словамъ и дѣяніямъ патріарха, въ какихъ чертахъ представлялъ послѣдній истинно-христіанскій и слѣдовательно законный способъ отношенія пастыря къ пасомымъ.

Объ эти задачи авторъ принялся выполнять съ горячимъ усердіемъ и одушевленіемъ, и началъ достигать ощутительныхъ успѣховъ, благодаря талантливости анализа, усиленнаго горячимъ благоговѣніемъ къ великому ревнителю Христовой церкви. Въ довольно обстоятельномъ введеніи къ диссертациі приводится общая характеристика литературы предмета. Величіе личности Никона сказывается въ томъ, что при совершенно противоположныхъ взглядахъ, историки не могутъ говорить о ней безучастно: въ ихъ словахъ звучитъ непремѣнно или голосъ восторженнаго сочувствія или враждебности, иногда даже злобной. Впрочемъ непониманіе личности патріарха въ значительной степени зависитъ отъ неспанія многими его частной жизни.

Послѣднее положеніе авторъ доказываетъ въ дальнѣйшихъ частяхъ своего сочиненія, въ которыхъ излагаетъ: 1) жизнь Никона въ юности и затѣмъ въ обителяхъ, 2) его жизнь и дѣятельность въ званіи митрополита Новгородскаго и 3) первые шаги его дѣятельности въ званіи патріарха; здѣсь описывается его отношеніе къ восточнымъ церквамъ, къ Малороссіи и построеніе въ Россіи трехъ великихъ обителей. Въ послѣдней части авторъ конспективно намѣчаетъ все множество дѣлъ, предпріятій и надеждъ патріарха, характеризующихъ его личность и его пастырскіе взгляды, и опровергаетъ разныя обвиненія, взводимыя на него по поводу нѣкоторыхъ событій и случаевъ его жизни. Такимъ образомъ сочиненіе не окончено, о чемъ должно пожалѣть, хотя въ виду обширности предмета нельзя указаннаго несовершенства поставить въ вину трудолюбивому и талантливому автору. Рѣдкая въ молодые годы способность понимать великаго человѣка и оживлять предъ читателемъ его нравственный обликъ чрезъ истолкованіе его дѣлъ и словъ—оказалась весьма доступна автору.

Остается пожелать, чтобы онъ довелъ до конца свою прекрасную пастырскую характеристику и обработалъ ее для печати. Въ настоящемъ видѣ она вполне заслуживаетъ ему степень кандидата богословія“.

О сочиненіи студента *Запаладова Алексѣя* на тему: „О поставленіи въ епископы монаховъ“:

„Современная практика Церкви была предметомъ учено-богословскаго изслѣдованія почти исключительно съ точки зрѣнія канонической и исторической. Въ такомъ именно направленіи составлена извѣстная брошюрка протоіерея Горскаго и старательно замалчиваемое въ современной богословской литературѣ обширное изслѣдованіе Епископа Іоанна Смоленскаго: „О монашествѣ епископовъ“. Авторъ послѣдняго, хотя и прибавляетъ къ историческимъ справкамъ нѣсколько вѣскихъ и увлекательно изложенныхъ до-

водовъ о благотворномъ значеніи монашества для епископскаго званія, но все же эти доводы кратки и общи. Что же касается до принципиальныхъ доводовъ его литературныхъ противниковъ, то они, по справедливому замѣчанію автора разбираемой диссертациі, по большей части лишены разумности и богословской основательности и нерѣдко имѣютъ характеръ запальчивыхъ глумленій. Въ виду такой неполноты въ разъясненіи столь важнаго предмета практическаго богословія, студенту Западалову было предложено рассмотреть послѣдній именно съ этой нравственно-философской и пастырской точки зрѣнія. Однако авторъ этимъ неограничился и пересмотрѣлъ вопросъ съ точки зрѣнія историко-канонической, чѣмъ и занялъ цѣлую половину своего сочиненія. Здѣсь онъ повторилъ съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями главнѣйшія положенія Еп. Іоанна и прот. Горкаго, сдѣлавъ еще цѣлую къ нимъ прибавку въ видѣ разъясненія пресловутаго постановленія Константинопольскаго собора (879 года) объ оставленіи кафедры епископомъ, „аще восхоцеть снити въ монашеское житіе“. Авторъ, пользуясь контекстомъ рѣчи и вопросами патр. Фотія, напоминаетъ, что монашество монашеству рознь: есть подвигъ новоначальныхъ, о которыхъ здѣсь только и можетъ идти рѣчь,—но есть подвигъ и руководителей, аввъ и игуменовъ, для коихъ дѣло управленія и учительства столь же неотъемлемая обязанность, какъ и для самыхъ епископовъ. Отсюда ясно, что если епископъ, принявъ монашескій образъ или схиму, и становясь ученикомъ, оставляетъ правленіе, то нѣтъ никакого препятствія, чтобы усовершенствовавшійся въ послушаніи монахъ принималъ званіе пресвитера, аввы, игумена и епископа.

Во второй части своего сочиненія авторъ продолжаетъ развивать и усиливать эту мысль до положенія: 1) епископъ непременно долженъ быть аскетомъ-подвижникомъ, 2) а слѣдовательно предпочтительно предъ всѣми прочими христиа-

нами именно монахи должны быть избираемы въ епископскій санъ, который 3) нисколько не освобождаетъ ихъ отъ монашескихъ обѣтовъ и соотвѣтственнаго имъ образа жизни. Къ этимъ положеніямъ авторъ приходитъ чрезъ богословское разсмотрѣніе понятій пастырства и монашества. Первое онъ опредѣляетъ преимущественно на основаніи словъ Свящ. Писанія, второе—словами Отцевъ Церкви—первоначальныхъ учителей подвижничества; изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что монахъ, въ постепенномъ усовершеніи своихъ подвиговъ отнюдь не долженъ уклоняться отъ дѣлъ духовной милости ближнимъ; напротивъ ими онъ по преимуществу осуществить свои обѣты. Къ богословскимъ доводамъ авторъ присоединяетъ психологическіе, согласно которымъ выясняется, что пониманіе духовныхъ нуждъ ближняго доступно лишь аскету, бдящему надъ собственною душою; ему же по преимуществу доступенъ даръ того горячаго состраданія къ внутренней борьбѣ ближняго, о которой говорить Апостолъ: „я снова для васъ въ мукахъ рожденія, пока не вообразится въ васъ Христосъ“.

Вообще авторъ пишетъ убѣжденно и убѣдительно, обнаруживая рѣдкую въ академическихъ диссертацияхъ способность вмѣщать многъ разумъ въ малыхъ словахъ. Обогативъ главу о свойствахъ истиннаго пастыря святоотеческими изреченіями, особенно изъ двухъ Григоріевъ, и присоединивъ еще главу, гдѣ бы предметъ разсматривался съ практической точки зрѣнія, онъ могъ бы сдѣлать цѣнный вкладъ въ литературу пастырскаго богословія. Но и въ настоящемъ видѣ его сочиненіе въ качествѣ кандидатскаго признаю отлично хорошимъ“.

О сочиненіи вольнослушателя, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, *Александра Ивановича Колесова* на тему: „Преподобный Максимъ Грекъ. Его жизнь и труды“:

„Авторъ трудился надъ своею темою цѣлый годъ, побуждаемый горячею къ ней любовію, виушенной ему благо-

говѣйнымъ почитаніемъ святаго угодника. Усердіе автора выразилось въ томъ, что онъ не только перечиталъ всю русскую литературу по занимающему его предмету, но и изучалъ рукописи Лаврской библіотеки, а также и нѣсколько сочиненій на иностранныхъ языкахъ о Саванароллѣ, мнимою вдохновителемъ преп. Максима.

Правда въ разбираемомъ сочиненіи собственно о трудахъ преп. Максима говорится не много: лишь вкратцѣ намѣчается ихъ содержаніе, такъ какъ автора занимала самая жизнь угодника и его нравственный характеръ. Но зато эта біографія не только полна, но и обладаетъ самостоятельнымъ пониманіемъ нѣкоторыхъ событій жизни преподобнаго и нѣкоторыхъ сторонъ его характера. Такъ авторъ сильно поколебалъ распространенное мнѣніе о подражаніи преподобнаго Саванароллѣ, показавъ полную противоположность ихъ стремленій: у перваго—моральныхъ и всенародныхъ, а у послѣдняго—скорѣе политическихъ и узко патріотическихъ. Далѣе авторъ предлагаетъ очень сильныя критическія замѣчанія противъ принятыхъ въ нашей западной литературѣ воззрѣній на современную преп. Максиму эпоху и ея дѣятелей; онъ фактически опровергаетъ взгляды Жмакина, восхваляющаго Вассіана Патрикѣва и Иконникова, представляющаго древне-русскую жизнь въ исключительно мрачныхъ чертахъ. Вообще авторъ чувствуетъ себя хозяиномъ, какъ въ источникахъ, такъ и въ пособіяхъ своей темы.

Однако нельзя умолчать и о томъ, что множество поднятыхъ по его темѣ научныхъ вопросовъ развлекли его вниманіе до такой степени, что онъ нерѣдко останавливается на мелочахъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, а принципъ единства въ характеристикѣ терпитъ у него ущербъ, такъ что большая часть его сочиненія имѣетъ интересъ историческій, а для пастырскаго богословія является лишь сырымъ матеріаломъ, хотя есть у него и выводы, имѣющіе

прямое отношеніе къ названной наукѣ. Съ богословской же точки зрѣнія представляются очень цѣнными и приводимыя авторомъ свѣдѣнія о прославленіи преподобнаго чудесами послѣ его кончины, а также и собранныя въ разбираемомъ трудѣ три варіаціи тропарей и кондаковъ въ честь угодника съ указаніемъ времени ихъ составленія и мѣста ихъ находенія по рукописямъ.

Желательно, чтобы одушевленное трудолюбіе автора получило для себя новое выраженіе въ отпечатаніи разбираемой диссертациі въ нѣсколько сокращенномъ видѣ; это было бы полезно, для ознакомленія съ нею, какъ всѣхъ русскихъ читателей, такъ въ частности студентовъ академіи въ качествѣ побужденія не уступать въ научномъ усердіи вступившему въ среду ихъ шестидесятилѣтнему труженику.

„Кандидатской степени сочинитель вполне заслуживаетъ“.

О сочиненіи студента *Краснова Николая* на тему: „Нравственное начало и его самостоятельность“:

„Обоснованіе самостоятельности нравственнаго начала въ человѣкѣ имѣетъ въ виду или утилитаризмъ или детерминистическія возраженія противъ его самобытности. Авторъ заинтересованъ послѣднею точкою зрѣнія на свою тему. Но такъ какъ при изложеніи своего трактата онъ выяснялъ и свои собственныя внутреннія убѣжденія, то, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, онъ не удержался въ предѣлахъ предмета, но принялся отыскивать самое общее гносеологическое и метафизическое начало для обоснованія свободы воли, и какъ водится, пустился въ безбрежныя дебри самыхъ разнообразныхъ философскихъ системъ, не успѣвая критически отнестись къ ихъ разнороднымъ положеніямъ и принимая на вѣру тѣ выводы модныхъ направленій мысли, которыя выдаются за послѣднее слово науки, а на самомъ дѣлѣ опираются лишь на вкусы эпохи и затѣмъ безслѣдно исчезаютъ изъ общественнаго сознанія при первой смѣнѣ его нравственной настроенности.

Такъ поддавшись ученію Риня о причинности и унаслѣдованному отъ своеобразнаго (лѣваго) пониманія Канта ученію о безусловной противоположности между теоретическимъ и практическимъ разумомъ,—авторъ постарался установить себѣ слѣдующую основную точку зрѣнія на предметы философскаго мышленія, отчасти проводимую въ современной печати Александромъ Введенскимъ. Механическое міровоззрѣніе, или матеріализмъ, а равно и міровоззрѣніе спиритуалистическое, или идеализмъ, могутъ быть выражены въ одинаково стройныхъ философскихъ системахъ и предлагать свойственное имъ истолкованіе дѣйствительности. Единственнымъ рѣшителемъ признанія одного изъ этихъ началъ и отверженія другаго служить для cadaго человѣка его свободная воля: если человѣкъ желаетъ сохранить нравственное начало въ своемъ міровоззрѣніи, то онъ избираетъ идеализмъ; если не цѣнитъ его,—матеріализмъ; теоретическаго, научнаго критерія философія лишена въ своемъ исходномъ началѣ; конечное опредѣленіе его зависитъ отъ того, съ чего начнетъ свободная мысль изслѣдователя,— съ вѣшняго ли бытія или съ изученія своего собственнаго я и присущаго ему нравственнаго закона. Такая точка зрѣнія можетъ быть допущена съ богословской точки зрѣнія, опредѣляющей вѣру и невѣріе, какъ выраженіе нравственной воли (Іоан. VII, 17), но съ точки зрѣнія философской она основывается на недоразумѣніи, опускающемъ изъ виду то обстоятельство, что и при изученіи міра объективнаго человѣческая мысль не обходится безъ несознательнаго употребленія категорій, усвоенныхъ изъ самонаблюденія, изъ жизни сознательной личности, и слѣдовательно требующихъ допущенія премірной Личности, для своего законнаго приложенія къ міру объективному.

Составъ сочиненія слѣдующій: авторъ излагаетъ сперва теорію механическую, преимущественно идею причинности, затѣмъ теорію спиритуалистическую, преимущественно ана-

лизъ самосознанія по Мендебирану, —наконецъ предлагаетъ опредѣленіе положительнаго содержанія нравственнаго начала и указываетъ его въ любви по тринадцатой главѣ къ Коринѳянамъ, мысли которой онъ съ похвальнымъ успѣхомъ соединяетъ въ одну стройную иеическую идею. Вообще при всѣхъ своихъ ошибкахъ, авторъ не чуждъ способности философствовать и обнаружилъ въ своей работѣ настолько трудолюбія, искренности и одушевленія, что въ виду всѣхъ указанныхъ свойствъ она должна быть признана достойною кандидатской степени“.

О сочиненіи студента *Ливанова Виктора* на тему: „Христіанская надежда. Опытъ изъясненія взаимоотношенія трехъ богословскихъ добродѣтелей“:

Въ сочиненіи выполнена лишь вторая часть темы: авторъ въ трехъ главахъ своего труда старается раскрыть законы религіознаго развитія христіанина и описать, 1) какъ въ немъ зараждается вѣра, 2) какъ вѣра раждаетъ надежду и 3) вмѣстѣ съ послѣднею созидаетъ добродѣтель любви. Изслѣдованіе ведется авторомъ на основаніи слова Божія, нарочито имъ перечитаннаго, твореній отеческихъ (преимущественно св. Іоанна Златоустаго и обоихъ Сириновъ), философскихъ разсужденій и психологическихъ наблюденій. Рѣчь автора одушевленная, свободно текущая впередъ, но мысль недостаточно дисциплированная, удовлетворяющаяся эпизодическимъ описаніемъ тамъ, гдѣ читатель ожидаетъ точныхъ опредѣленій; по этой же причинѣ разсужденіе лишено выдержаннаго раздѣленія и случается, что одни и тѣ же признаки усваиваются то вѣрѣ, то надеждѣ. Впрочемъ эти несовершенства извиняются трудностью темы, не имѣющей прямого отвѣта въ богословскихъ курсахъ. Сверхъ того недостатки искупаются многими глубокими мыслями автора, характеризующими религіозную жизнь христіанина.

Признаю сочиненіе заслуживающимъ своего кандидатскаго предназначенія.

О сочиненіи студента *священника о. Евгенія Мерцалова* на тему: „Св. Григорій Нисскій, какъ панегиристъ“:

„Современныя надгробныя слова по большей части отличаются полною неприспособленностью къ своему церковно-учительному назначенію: ихъ содержаніе проникнуто совершенно мірскимъ духомъ то въ видѣ неумѣренныхъ восхваленій умершаго за качества или измышленныя, или вовсе безразличныя съ христіанской точки зрѣнія; то въ видѣ жалобъ на нашу смертность, совершенно несродныхъ съ возносимыми тутъ же молитвами Церкви. Вниманію автора было предложено содержаніе надгробныхъ панегириковъ св. Григорія для извлеченія изъ нихъ руководственныхъ началъ къ правильной постановкѣ сего вида церковнаго учительства.

Свою задачу авторъ исполнилъ вполне удовлетворительно; исполнилъ бы ее прекрасно, еслибъ по свойственному ему трудолюбію не отвлекся въ сторону изученія едвали не всей существующей о св. Григоріѣ литературы и еслибъ не истощалъ своихъ силъ надъ разработкой большой вводной главы, въ которой подробно доказываетъ, историческую правдивость сообщеній панегириковъ, полемизируя съ ея учеными отрицателями—нѣмцами. Впрочемъ и изъ этого длиннаго трактата получается, хотя одинъ только, но достойный усвоенія выводъ, что добрыя дѣла умершихъ, даже прославленныхъ святыхъ, не должны быть преувеличиваемы панегиристами. Гораздо больше выводовъ даютъ дальнѣйшія главы диссертации, въ которыхъ содержится богословско-литературный разборъ названныхъ твореній св. Григорія. Изъ этого разбора видно, что рѣчь св. Григорія не сосредоточивалась исключительно на исторіи и на качествахъ восхваляемаго мужа, но посредствомъ сравненія той и другихъ съ картинами исторіи библейской переходила въ область богословскаго толкованія и нравственнаго назиданія, такъ что прославляемый умершій является прежде всего

средствомъ къ наглядному изъясненію и утвержденію истинъ и заповѣдей богооткровенныхъ. Правда, нашъ авторъ замѣчаетъ, что св. отецъ въ своихъ сравненіяхъ пользовался слишкомъ общими сближеніями, такъ что одиѣ и тѣ же назиданія его были бы одинаково умѣстны въ панегирикахъ различнымъ подвижникамъ, но въ другомъ мѣстѣ диссертации авторъ справедливо говоритъ, что цѣль панегирика — не полнота біографическихъ свѣдѣній, а назиданіе, прибавимъ мы. Вообще изъ надгробныхъ рѣчей св. Григорія, при посредствѣ разбираемой диссертации, можно научиться тому, что подобныя рѣчи не должны ни по содержанію, ни по формѣ выходить изъ круга церковнаго учительства, но переживаемыя воспоминанія, событія и даже непосредственныя чувства горести или радости должны служить для оратора пособіями къ уясненію общихъ христіанскихъ истинъ и побужденіями къ духовному преуспѣянію слушателей.

Кандидатской степени о. Евгенийъ заслуживаетъ“.

О сочиненіи студента *Нифонтова Николая* на тему: „Распространеніе и утвержденіе христіанской вѣры между инородцами Якутской области въ связи съ исторіей миссій въ Восточной Сибири“:

„Сочиненіе трудолюбиваго автора состоитъ изъ длиннаго введенія, содержащаго описаніе Якутской области и ея населенія и изъ пяти главъ, посвященныхъ исторіи миссій: 1) Забайкальской, 2) Амурской, 3) Якутской и 4) Чукотской; пятая глава описываетъ современное религіозно-нравственное состояніе тамошнихъ инородцевъ и раскрываетъ желательную по мнѣнію автора постановку миссіонерскаго дѣла въ Якутской области.

Мы назвали автора трудолюбивымъ, потому что онъ собралъ для изученія не только всѣ книги и статьи, подходящія къ его ученой задачѣ, но постарался не упустить изъ вниманія даже мелкихъ газетныхъ замѣтокъ по его предмету, появившихся въ различныхъ изданіяхъ за послѣдніе 30 лѣтъ и раньше.

Такой интересъ къ изученію миссіонерскаго дѣла объясняется между прочимъ тѣмъ, что предметъ изслѣдованія близокъ сердцу автора, какъ природнаго якута. Послѣднее обстоятельство является причиной и тому, что диссертация кромѣ литературы на свою тему богата и свѣдѣніями другаго рода, особенно важными для интересовъ дѣла; разумѣемъ приведенныя въ ней сообщенія, ни разу еще не появлявшіяся въ печати, т. е. или непосредственныя наблюденія автора надъ религіознымъ бытомъ якутовъ, или историческія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности миссіонеровъ, извѣстныя автору, какъ личному свидѣтелю послѣднихъ десяти-пятнадцати лѣтъ жизни якутовъ и слушателю воспоминаній и преданій роднаго его народа. Если мы къ этому прибавимъ, что мысль автора одушевлена горячею ревностью объ утвержденіи среди инородцевъ христіанскихъ нравовъ и просвѣщенія, то поймемъ, какой живой интересъ можетъ представлять его заключительное разсужденіе о желательныхъ мѣрахъ для достиженія миссіонерскихъ цѣлей. Мѣры эти, по мнѣнію автора, — во первыхъ нравственный подъемъ миссіонеровъ; во вторыхъ лучшее ихъ ознакомленіе съ якутскимъ языкомъ и предпочтительное его употребленіе въ богослуженіи, проповѣди и обученіи якутскихъ дѣтей; въ третьихъ усиленіе и упрощеніе церковнаго учительства и катехизаціи; наконецъ умноженіе иконъ и улучшеніе состава учителей.

Рѣчь автора безыскусственная, чуждая діалектики или резонерства; его выводы сами собой напрашиваются сознанию читателя, какъ необходимо вытекающіе изъ описываемыхъ явленій инородческаго быта. Сочиненіе читается съ увлекающимъ интересомъ, кромѣ впрочемъ почти излишней вводной главы и нѣкоторыхъ ненужныхъ подробностей изъ исторіи миссій. Справедливо и то, что нѣкоторыя желанія автора имѣютъ характеръ не практическій, а идеальный, ибо не снабжены указаніемъ средствъ къ ихъ достиженію,

а потому и приведеніе ихъ является почти безцѣльнымъ; но все же нельзя не пожелать, чтобы эта задушевная исповѣдь ревнителя христіанскаго просвѣщенія въ своемъ народѣ явилась въ печати для ознакомленія общества съ столь важнымъ для отечественной церкви предметомъ.

Кандидатской степени сочиненіе исполнѣе достойно“.

О сочиненіи студента *Орлова Сергія* на тему: „Блаженный Геронимъ, какъ учитель о пастырствѣ“:

„Авторъ изучилъ не только большую часть твореній блаженнаго Геронима, но и всю литературу о немъ на русскомъ языкѣ и отчасти на иностранныхъ; сочиненіе его проникнуто благоговѣйнымъ сочувствіемъ къ предмету и написано довольно живо. Оно состоитъ изъ трехъ главъ и введенія, безъ нужды растянутого. Въ первой главѣ излагаются общія положенія о пастырствѣ, почерпнутыя изъ твореній блаж. Геронима, во второй — ученіе послѣдняго о свойствахъ пастырской жизни и наконецъ въ третьей — о пастырской дѣятельности. Автору нельзя поставить въ упрекъ того обстоятельства, что онъ не рѣшился установить общаго принципа Геронимовской пасторологіи, потому что подобныя задачи не подѣ силу для молодыхъ изслѣдователей и благоразумнѣе поступаютъ тѣ изъ нихъ, которые, подобно автору, перечисляютъ частныя пункты святоотеческаго ученія съ возможной полнотой и послѣдовательностью. Однако и съ этой точки зрѣнія нельзя не пожалѣть о томъ, что въ разбираемомъ сочиненіи сравнительная подробность изложенія предметовъ не соотвѣтствуетъ степени ихъ важности. Такъ большая часть главы о личныхъ свойствахъ добраго пастыря содержитъ въ себѣ мысли блаж. Геронима о теоретическомъ образованіи пастыря и притомъ преимущественно о двоякомъ значеніи свѣтскихъ наукъ для его развитія; затѣмъ безъ нужды растянута рѣчь о сравнительномъ достоинствѣ власти епископской и преевтерской. Съ другой стороны авторъ ограничивается довольно

общими упоминаніями о тѣхъ чувствахъ, какія охватываютъ пастыря по отношенію къ его духовнымъ чадамъ и къ самому пастырскому дѣланію.

Лучшая глава сочиненія послѣдняя; здѣсь автору удалось уловить и изложить нѣсколько весьма глубокихъ и жизненныхъ воззрѣній церковнаго учителя на отношенія пастыря къ различнымъ сторонамъ церковной жизни, а отчасти и ко всему духовному складу: таковы совѣты блаж. Иеронима о властности и кротости, о свободѣ и руководительномъ страхѣ; также о значеніи устной проповѣди, о толкованіи слова Божія и т. п.

Въ общемъ должно сказать объ авторѣ изслѣдованія, что онъ не заставилъ раскаяваться въ томъ, что ему дали такую занимательную тему, разработанную имъ достаточно хорошо для полученія кандидатской степени“.

О сочиненіи студента *Поліевктова Сергѣя* на тему: „Превосходство православія надъ католицизмомъ въ воззрѣніяхъ на пастырство“:

„Въ своемъ обширномъ (болѣе 50-ти листовъ) сочиненіи авторъ не пожелалъ ограничить свою задачу сравненіемъ главныхъ положеній изучаемой науки Пастырскаго богословія въ обоихъ вѣроисповѣданіяхъ,—хотя и перечиталъ по нѣскольку курсовъ ея и въ томъ, и въ другомъ изложеніи. Онъ опредѣляетъ общія начала пастырства у папистовъ въ связи съ ихъ вѣроисповѣдными догматами о спасеніи, о церкви и о папѣ. Отсюда авторъ старается показать, какимъ образомъ правовая и административная точка зрѣнія должна была вытѣснить въ римской церкви истинное понятіе пастырства, какъ таинственнаго, внутренняго, духовнаго союза между священникомъ и паствою,—союза сказывающагося въ проникновеніи пастырскаго духа сострадательною, скорбною ревностью о каждой вѣрренной ему душѣ, и имѣющаго цѣлью не безсодержательное слѣпое повиновеніе католическаго парохіанина, но полноту духовнаго возрастанія христіанина въ мѣру возраста исполненія

Христовя. Противопоставленіе, если его удастся обосновать и выяснить, очень убѣдительное, но автору повредила широта его замысла, не давшая ему времени наглядно раскрыть эту разницу въ болѣе опредѣленныхъ, частнѣйшихъ правилахъ латинскаго пастырскаго богословія, или приходскаго быта, и тѣмъ отнять у противниковъ возможность оправдываться въ взводимыхъ, столь общихъ обвиненіяхъ и утверждать, будто правовой характеръ ихъ пастырства развился не въ ущербъ нравственному. Между тѣмъ такая предусмотрительность для ученой задачи автора имѣла бы важное значеніе, такъ какъ вѣдь онъ поставилъ себѣ цѣль по преимуществу полемическую, миссіонерскую—показать превосходство православія предъ пализмомъ. Впрочемъ это, съ перваго взгляда столь значительное, упущеніе, весьма ослабляется тѣмъ, что въ своемъ введеніи (замѣтимъ—безъ нужды длинномъ) авторъ высказываетъ основательное убѣжденіе въ томъ, что Обличительное Богословіе тогда наилучшимъ образомъ будетъ достигать своихъ цѣлей, когда приложитъ главнѣйшую заботу къ изображенію нравственной высоты и красоты утраченныхъ въ инославіи истинъ нашего вѣроисповѣданія,—когда будемъ больше стараться о привлеченіи къ православію, чѣмъ о низверженіи самыхъ ересей. Съ такой точки зрѣнія авторъ хорошо выполнилъ главную часть своей задачи, ибо основныя начала пастырства православнаго онъ представилъ въ стройныхъ, одушевленно изложенныхъ въ возвышенныхъ по своему содержанию положеніяхъ, составленныхъ на основаніи, какъ библейскихъ и святоотеческихъ изреченій, оставляемыхъ въ тѣни въ курсахъ каноническихъ, такъ и различныхъ изреченій Православнаго Исповѣданія Восточныхъ Патріарховъ, Книги о должностяхъ Пресвитеровъ Приходскихъ и нѣкоторыхъ отечественныхъ богослововъ. Это безусловно прекрасная и наилучшая часть сочиненія. Освободивъ послѣднее отъ многословія и подобравъ столь же удачную

форму для опредѣленія пастырства папистовъ, авторъ могъ бы съ пользою отпечатать свой трудъ, который и въ настоящемъ своемъ видѣ вполне заслуживаетъ кандидатской степени“.

О сочиненіи студента *Шопова Евгенія* на тему: „Тертуллианъ, какъ нравоучитель“:

„Авторъ перечиталъ творенія Тертуллиана съ вниманіемъ и живѣйшимъ интересомъ, проштудировавъ затѣмъ шесть нѣмецкихъ и двѣ русскихъ монографій; прочихъ же русскихъ статей и книгъ не читалъ. Впрочемъ и по сказанному уже видно, что трудился авторъ не мало. Его работа состоитъ изъ введенія и трехъ главъ. Въ первой излагается содержаніе Тертуллиановскаго нравоученія, во второй—богословскія основанія послѣдняго, третья глава, краткая, представляетъ собою оцѣнку Тертуллиановскаго ученія вообще и въ частности его ученія о страданіи и о свободѣ воли.

Авторъ не разсматриваетъ своего писателя въ различныхъ періодахъ его развитія, не разграничиваетъ его первоначальныхъ мыслей отъ тѣхъ, которыя онъ сталъ проповѣдывать по отдѣленіи отъ Церкви: онъ принимаетъ все творенія Тертуллиана, какъ одно цѣлое. Главнымъ затрудненіемъ для патрологовъ, особенно же для излагающихъ святоотеческую мораль, является установленіе системы, въ которую можно бы уложить разнородное содержаніе изучаемаго писателя; рѣдко въ какой монографіи не приходится встрѣтить совершенно неудачное навязываніе писателю схоластической системы современныхъ учебниковъ, вытѣснившую изъ него все своеобразное, совершенно обезличившую церковнаго учителя. Этому то и пожелалъ вѣроятно избѣжать авторъ и потому заботился не о томъ, чтобы привести мысли Тертуллиана по всякому вопросу программы Нравственнаго Богословія, но предпочитая полнотѣ типичность, собралъ лишь тѣ пункты нравственнаго ученія своего писателя, о которыхъ послѣдній писалъ много и осо-

бенно одушевленно. Руководясь такимъ приѣмомъ, авторъ оставляетъ иногда безъ упоминанія и такіе предметы правоученія, безъ которыхъ читатель не можетъ себѣ составить яснаго представленія о предметѣ: онъ, напр., не найдетъ въ разбираемой диссертациі ни слова о томъ, какое значеніе въ возрожденіи людей имѣетъ воплощеніе и спасительная страсть Господня. Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ авторъ пытается опредѣлять болѣе общія понятія излагаемой науки, его постигла неудача, унаслѣдованная имъ отъ протестантскихъ ученыхъ, опредѣляющихъ общій характеръ тертуллиановскихъ правилъ поведенія, какъ „нравственный утилитаризмъ“. Такое неудачное сочетаніе понятій означаетъ скорѣе нѣчто, именно противоположное Тертуллиану; оно было бы приложимо къ послѣднему, если бъ онъ училъ нравственному поведенію въ виду полученія жизненныхъ удобствъ, какъ Эпикуръ: но нашъ авторъ далѣе свидѣтельствуєтъ, что излагаемый имъ правоучитель напротивъ требуетъ обсуждать всякій поступокъ со стороны его вліянія на нравственное настроеніе человѣка (совершенно, какъ св. Апостоль Павель: „*все мнѣ позволено, но не все полезно*“ и проч.), а самое настроеніе и вообще добродѣтель представляетъ высшимъ благомъ, конечною цѣлью подвига: очевидно здѣсь полное отрицаніе утилитаризма, непонятное для сбившихъ съ толку нашего автора протестантскихъ отрицателей религіознаго подвига. Къ чести автора надо сказать, что во всемъ дальнѣйшемъ, талантливо и живо начертанномъ изложеніи Тертуллиана, онъ не только не поддается протестантской оцѣнкѣ строгихъ требованій изучаемаго писателя, но очень успѣшно обличаетъ ихъ собственную скудость въ пониманіи христіанскаго правоученія. Онъ показываетъ въ заключительной главѣ, что древнее разумѣніе задачъ жизни было гораздо свѣтлѣе и возвышеннѣе, чѣмъ у современныхъ моралистовъ въ родѣ Гартмана и Толстаго.

Мысль автора сильная, изложеніе ясное; работа вполне заслуживаетъ кандидатской степени“.

О сочиненіи студента *Свавицкаго Аполлинарія* на тему: „Превосходство православнаго ученія о царствѣ Божіемъ предъ ученіемъ графа Толстаго“:

„Характеръ сочиненія полемическій; тема вызвана недавнимъ появленіемъ извѣстнаго сочиненія гр. Толстаго объ указанномъ предметѣ. Авторъ однако не успѣлъ привести къ концу своей критики, хотя и намѣтилъ противопоставляемое толстовству православное понятіе о царствѣ Божіемъ. Причина неоконченности труда заключается въ продолжительной болѣзни автора. Впрочемъ и то, сравнительно немного, что онъ успѣлъ изложить въ своей диссертации, свидѣтельствуетъ о его литературномъ талантѣ и начитанности. Онъ раскрылъ довольно опредѣленно значеніе Толстаго, и отрицательное, и положительное, — послѣднее по отношенію къ матеріализму и позитивизму. Послѣ такого введенія авторъ излагаетъ и затѣмъ опровергаетъ ученіе Толстаго о необходимости всеобщаго ручнаго труда и объ отѣмнѣ раздѣленія послѣдняго по сословіямъ и состояніямъ людей; авторъ доказываетъ, что при такихъ условіяхъ нужды и страданія людей усилится бы болѣе телерешнаго, возможное же ихъ уменьшеніе послѣдуетъ лишь при развитіи внутреннихъ достоинствъ личности; а именно самоотреченія и любви, которыя воспитываетъ церковь; подъ этимъ условіемъ и самое раздѣленіе труда будетъ средствомъ не борьбы за преобладаніе, но взаимныхъ услугъ.“

Доводы свои авторъ излагаетъ сжато и ясно, рѣчь его живая и убѣжденная. Остается пожелать, чтобы авторъ закончилъ свой трудъ для печати. Въ настоящемъ видѣ онъ степени кандидата заслуживаетъ“.

О сочиненіи студента *Соловьева Александра* на тему: „Старчество по ученію святыхъ Отцовъ-аскетовъ“:

„Трудолюбивый авторъ постарался не только о полнотѣ

содержанія, но и о краткости изложенія своего почтеннаго труда. На 30 листахъ онъ съумѣлъ изложить ученіе по данному предмету прежде всего многочисленнаго сонма древнихъ учителей подвижничества, которыхъ творенія собраны въ пяти томахъ Добротолюбія, а дѣянія описаны въ многочисленныхъ церковныхъ книгахъ, переведенныхъ съ греческаго на славянскій языкъ. Но этимъ нелегкимъ дѣломъ авторъ не ограничился: онъ изучалъ о. Паисія Величковскаго, его оптинскихъ продолжателей и другихъ современныхъ аскетическихъ писателей, въ родѣ: Епископа Игнатія, Петра, извѣстнаго Святогорца и др.—И при всемъ томъ главнымъ достоинствомъ сочиненія является не богатство и разнообразіе источниковъ, но то, что авторъ не оказался подавленнымъ ими, а овладѣлъ ихъ высокимъ содержаниемъ такъ, какъ рѣдко удается молодымъ изслѣдователямъ въ области патристической морали. Авторъ не облегчилъ своего дѣла установленіемъ легчайшей исторической точки зрѣнія, но избралъ для раздѣленія своего матеріала точку зрѣнія религиозно-психологическую, наиболѣе трудную.

Въ первой главѣ своего труда онъ выводитъ психологическую необходимость монашескаго подвижничества въ жизни Церкви Христовой, а во второй—психологическую необходимость послушанія и старчества въ жизни монашества. Третья глава разсматриваетъ съ той же точки зрѣнія внутреннее содержаніе старчества: она говоритъ о томъ духовномъ союзѣ любви и довѣрія, который почти произвольно устанавливается между старцемъ и отдавшимся въ его волю послушникомъ, о постепенномъ искорененіи страстей въ душѣ послѣдняго и объ обратномъ дѣйстви сего послушанія на конечное духовное усовершеніе самого старца, составляющее какъ бы его награду за святое дѣло учительства.

Начертавъ образецъ истинныхъ отношеній въ старчествѣ, авторъ въ 4-й главѣ излагаетъ ученіе о томъ, что долженъ дѣлать самъ послушникъ, чтобы 1) обрѣсти соответствен-

ваго себѣ старца и 2) пользоваться духовными плодами старчества: онъ долженъ имѣть къ старцу полное довѣріе и послушаніе вѣдшее и внутреннее, и открывать ему всѣ свои помыслы. Въ заключеніи авторъ предлагаетъ намѣртаніе лѣстницы послушанія, возводящей душу послушника къ совершенству.

Способъ изложенія у автора представляетъ собою замѣчательно удачное сочетаніе психологическаго метода съ богословскимъ; иначе говоря, авторъ раскрываетъ свои положенія словами отцевъ, но такъ, что сочетаніе отеческихъ изреченій представляетъ собою стройное развитіе одной мысли и рациональное обоснованіе самыхъ положеній. Иногда авторъ обосновываетъ послѣднія собственными разсужденіями, сравненіями и доказательствами, но затѣмъ тотчасъ же цѣлымъ рядомъ святоотеческихъ изреченій пріобрѣтаетъ для себя и богословское подтвержденіе. Очевидно, что авторъ, обладая вдумчивостью и трудолюбіемъ, весьма основательно освоился со своимъ нелегкимъ предметомъ. Желательно, чтобы его изслѣдованіе, съ нѣкоторою передѣлкой заключительной части, появилось въ печати въ видѣ ряда жизненныхъ статей.

Въ качествѣ кандидатской диссертациі оно заслуживаетъ особой похвалы“.

О сочиненіи студента *іеродіакона Стефана* на тему: „Христіанское благоповеденіе по Клименту Александрійскому сравнительно съ ученіемъ первыхъ египетскихъ аскетовъ“:

„Современная богословская наука еще не сѣумѣла освободиться отъ того предубѣжденія, будто монашескій аскетизмъ не только въ своемъ дѣйствительномъ осуществленіи, но даже и въ своихъ религіозныхъ теоретическихъ основаніяхъ есть нѣчто не вполне тождественное съ евангельскимъ и церковнымъ ученіемъ, нѣчто совершенно условное, боготвореннымъ ученіемъ не указанное. Автору излагаемаго сочиненія было предложено поискать ближайшей связи между

первыми учителями аскетизма и болѣе раннимъ христіанскимъ правоучителемъ, подвизавшимся въ служеніи слова вблизи отъ родины монашества.

Свою задачу авторъ поставилъ въ томъ, чтобы изложить правоученіе Климента Александрійскаго, сопоставляя его по каждому, если возможно, пункту съ ученіемъ египетскихъ пустынножителей.

Трудная для начинающихъ авторовъ задача систематическаго изложенія патристической этики исполнена авторомъ довольно благоуспѣшно: мысли Александрійскаго учителя распределены имъ по отдѣламъ съ достаточною опредѣленностью, такъ что мысли тождественныя не повторяются вновь въ разныхъ отдѣлахъ, какъ это часто случается въ диссертацияхъ наподобныя темы. Единственнымъ, впрочемъ, исключеніемъ является у автора изложеніе взглядовъ христіанскаго философа на мудрость или духовное вѣдѣніе, повторенное имъ въ раскрытіи ученія Климента о личныхъ добродѣтеляхъ. Но сочиненіе и отъ этого повторенія освобождается, если признать излишнею чисто-философскую главу III-ю—(а значеніи и вѣрѣ по Клименту), какъ мало связанную съ разборомъ правоученія.

Прочія главы обширнаго сочиненія вполне соотвѣтствуютъ своему назначенію: правоучительная система Александрійскаго философа раздѣлена на двѣ части: теоретическую и практическую. Первая излагаетъ его мысли: 1) о послѣдней цѣли нравственной дѣятельности, 2) о внутреннемъ ея основаніи и 3) о средствахъ исполненія нравственнаго закона, т. е. о свободной волѣ и благодатной помощи. Вторая часть диссертации содержитъ ученіе Климента 1) о добродѣтеляхъ и 2) о поведеніи внѣшнемъ. Въ изложеніи теоретическихъ основъ добродѣтели Климентъ, по сравненіи авторомъ его мыслей съ изреченіями подвижниковъ, почти вовсе не расходился съ послѣдними, превосходя ихъ ученою обоснованностью своихъ сужденій, а по

предмету первой главы второй части подвижники превосходятъ его широтой, высотой и ясностью своего учения о добродѣтели *смирения*, лишь вскользь упоминаемой *александрийскимъ философомъ*. Отсюда ясно по автору, что *аскетизмъ монашескій* является лишь дальнѣйшимъ развитіемъ и *практическимъ осуществленіемъ* началъ *общехристіанскаго* правоученія, содержавшагося Церковью въ третьемъ вѣкѣ и ранѣе. Рѣчь автора чистая, мысль ясная.

Кандидатской степени сочиненіе вполне достойно".
 О сочиненіи студента *геромонаха Трифона* на тему:
 „Древне христіанскіе и оптинскіе старцы“:

„Сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей, намѣченныхъ самымъ заглавіемъ. Первая часть имѣетъ цѣлю обосновать законность и высокую пользу старчества чрезъ описаніе нѣкоторыхъ сторонъ жизни древняго монашества и чрезъ изложеніе святоотеческихъ изреченій о старцествѣ. Последнія авторъ выбиралъ съ похвальнымъ усердіемъ изъ обширной нероводной аскетической литературы, очевидно хорошо ему знакомой. Глава диссертациі, содержащая въ себѣ означенныя выписки, можетъ служить патристическимъ указателемъ по предмету старчества, особенно, если въ нее привести болѣе выдержанное и обоснованное разсужденіе.

Во второй части своего сочиненія авторъ предлагаетъ историческій очеркъ старчества въ Оптиной пустыни, предпославъ ему нѣсколько словъ объ исторіи русскаго подвижничества вообще и въ частности—краткій очеркъ жизни и дѣятельности возстановителя старчества, знаменитаго о. Паисія Величковскаго и ученика его о. Феодора, бывшаго руководителемъ старцевъ оптинскихъ. Последнимъ авторъ посвящаетъ отдѣльныя краткія черты біографіи и характеристики. Онъ указываетъ, какъ общія всѣмъ этимъ старцамъ черты духа, такъ и тѣ свойства, которыя отличали этихъ высокихъ подвижниковъ другъ отъ друга. Въ старцѣ Леонидѣ онъ считаетъ такою чертою пламенную ревность, въ о. Макаріи—смиреніе, въ о. Амвросіи—любовь.

Сочиненіе проникнуто горячимъ сочувствіемъ къ иноческому подвигу и написано съ одушевленіемъ, но при широтѣ темы не вездѣ видна продуманность въ изложеніи и основательность въ выводахъ.

Степени кандидата богословія оно вполне заслуживаетъ“.

О сочиненіи студента *араба Халиба-Хананія Иаккоба* на тему: „Современное состояніе Иерусалимской церкви“:

„Хотя авторъ и не удержался на почвѣ Пастырскаго Богословія, требующей раскрытія пастырскаго дѣла въ иноземномъ православномъ патріархатѣ, но и не вполне отрѣшился отъ нея при всемъ своемъ увлеченіи священной географіей, исторіей и описаніемъ церковно-правоваго, административнаго строя родной ему церкви. Къ этимъ тремъ обширнѣйшимъ главамъ своего сочиненія онъ прибавилъ нѣсколько мелкихъ, но довольно разнообразныхъ и интересныхъ по содержанію. Таковы его свѣдѣнія: о доходахъ патріархіи и нисшаго духовенства, о состояніи православныхъ храмовъ въ Палестинѣ и о богослуженіи, о монашествѣ и монастыряхъ, о пастырскихъ отношеніяхъ духовенства къ народу, о школахъ, объ инославной пропагандѣ и т. п. Свѣдѣнія эти авторъ извлекалъ изъ обширной литературы своего предмета на русскомъ, греческомъ, французскомъ и арабскомъ языкахъ, одинаково хорошо ему извѣстныхъ; книжныя сообщенія онъ дополняетъ собственными наблюденіями надъ религіознымъ бытомъ соплеменниковъ, оживляя свои разсужденія чувствомъ ревностнаго состраданія къ духовному упадку арабовъ Палестины, причемъ конечно дѣло не обходится безъ нѣкотораго обличительнаго увлеченія въ отношеніи къ святогробскому братству, исторію котораго авторъ излагаетъ въ общемъ довольно обстоятельно. Впрочемъ, авторъ не скрываетъ отъ читателя и благихъ обычаевъ святогробской пастырской дѣятельности, охватывающей въ значительной степени общественно-эконо-

мическій бытъ палестинскихъ христіанъ чрезъ нѣкоторое участіе въ судѣ и благотворительности.

Недостаткомъ работы является неумѣренная подѣ часть зависимость отъ источниковъ, сразу бросающаяся въ глаза по той чистотѣ русской рѣчи, которою вовсе не могутъ похвалиться отдѣлы сочиненія, написанные авторомъ совершенно самостоятельно. Вторымъ недостаткомъ являются повторенія, свидѣтельствующія о несовершенной еще освоенности автора съ сжатостью ученаго изложенія, столь чуждаго рѣчи сыновъ Востока.

Степени кандидата сочинитель достоинъ“.

2) Ординарнаго профессора Василя Ключевского.

О сочиненіи студента *Каптерева Владиміра* на тему: „Чѣмъ вызывались и почему не удалось попытки примиренія православныхъ съ уніатами въ Западной Руси (до смерти митрополита Петра Могилы)“?

„Автору предстояло разрѣшить довольно сложный вопросъ изъ исторіи Западной Руси XVII вѣка—вопросъ о происхожденіи и причинахъ неудачи попытокъ примирить православныхъ съ уніатами въ 1620—1630-хъ годахъ. Со времени Брестскаго собора борьба между православными и уніатами стала господствующимъ фактомъ въ церковной жизни Западной Руси, нормальнымъ состояніемъ боровшихся сторонъ. При такомъ отношеніи между обѣими половинами расколовшейся Западной Руси какъ могли возникнуть попытки примирить ихъ и ужь если такія попытки какимъ-нибудь образомъ возникали, почему остались онѣ неудачными?“

На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ въ четырехъ главахъ своего труда. Изложивъ въ первой изъ нихъ краткій фактической очеркъ этихъ попытокъ, въ двухъ дальнѣйшихъ главахъ авторъ объясняетъ побужденія, вызывавшія стремленіе къ примиренію съ обѣихъ враждовавшихъ между собою сторонъ, православной и уніатской, а въ четвертой

излагаетъ причины неудачи этихъ попытокъ, и приходитъ къ такимъ заключеніямъ по этимъ тремъ частямъ своего вопроса: уніаты, которымъ принадлежалъ починъ въ дѣлѣ, хотѣли собственно не примириться съ православными, а прямо привлечь ихъ къ уніи подъ предлогомъ примиренія съ ними; съ православной стороны примирительное движеніе исходило не столько изъ желанія вывести православную западно-русскую церковь изъ ея угнетеннаго положенія, какъ думаютъ нѣкоторые церковные историки, сколько было дѣломъ цѣлой партіи православныхъ русскихъ іерарховъ уніатскаго направленія, внушеннаго имъ „признаніемъ силы католической церкви и кажущимся превосходствомъ ея строя надъ строемъ православной церкви“ (стр. 88); не удались попытки примиренія не вслѣдствіе боязни стоявшихъ за это дѣло православныхъ быть вовлеченными въ унію, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, а вслѣдствіе противодѣйствія разныхъ классовъ русскаго православнаго общества съ нѣкоторыми епископами во главѣ, которые не хотѣли никакого соглашенія съ уніатами. Прекращеніе примирительныхъ попытокъ авторъ въ заключительной пятой главѣ объясняетъ перемѣной, произведенной въ положеніи западно-русской православной Церкви извѣстными „статьями“ Владислава и дѣятельностью митрополита Петра Могилы.

Судя по цитатамъ, авторъ знакомъ съ главнѣйшими документами, относящимися къ его предмету, и хорошо изучилъ немногія наиболѣе важныя для него сочиненія митрополита Макарія, Кулиша, преимущественно С. Голубева (о Петрѣ Могилѣ), заимствуя отдѣльныя свѣдѣнія и изъ нѣкоторыхъ другихъ изслѣдованій (И. Соколова, Крачковскаго, Кояловича, Эйнгорна). Къ литературѣ своего предмета авторъ относился осторожно и разборчиво, сравнивалъ и провѣрялъ мнѣнія изслѣдователей, выбирая изъ нихъ наиболѣе доказанныя, и старался проникнуть въ сущность и связь излагаемыхъ явленій, соображая пайденныя въ уче-

ныхъ пособіяхъ данныя. Изложеніе автора вообще сжато, но по мѣстамъ недостаточно отчетливо и ясно и возбуждаетъ недоумѣнія: такъ въ одномъ мѣстѣ читаемъ, что духовенство, устроившее Брестскую унію, преслѣдовало свои личныя цѣли, а въ другомъ, разбирая причины этой уніи, авторъ пишетъ, что онѣ не имѣли по существу личнаго характера (стр. X и XIV); сказанное на стр. 14 о частномъ Кіевскомъ соборѣ православныхъ въ 1629 г. на стр. 91 какъ будто отнесено къ общему собору православныхъ и униатовъ во Львовѣ.

Переписка сочиненія нуждается въ корректурѣ. При всемъ томъ сочиненіе можно признать очень хорошимъ“.

О сочиненіи студента *Песочина Александра* на тему: „Вліяніе язычества русскихъ славянъ на ходъ усвоенія ими христіанскаго ученія“:

„Объясняя во введеніи свою задачу, авторъ обѣщаетъ прослѣдить исторически отношеніе древнерусскаго язычества къ христіанству и главнымъ образомъ вліяніе языческихъ вѣрованій на способъ усвоенія русскими христіанскаго ученія (стр. XIX). Въ виду существующихъ въ русской ученой литературѣ взглядовъ на отношеніе язычества древней Руси къ принятому ею христіанству авторъ признаетъ нечудобнымъ для православнаго богослова руководиться въ разрѣшеніи даннаго вопроса предвзятыми теоріями и ученіями, а считаетъ болѣе безопаснымъ по возможности самостоятельное обследованіе относящагося къ предмету матеріала. Для разрѣшенія вопроса, какъ подѣйствовали языческія воззрѣнія русскаго народа на ходъ усвоенія принятаго имъ христіанства, подъ руками автора сверхъ памятниковъ древне-русской канонической и обличительной литературы находились еще изданные въ значительномъ количествѣ произведенія апокрифической и устной народной словесности, сохранившія въ себѣ обильные и яркіе слѣды религіозныхъ представленій языческой Руси и ихъ сліянія съ христіанскими

вѣрованіями. Для изученія русскаго язычества по этимъ источникамъ авторъ нашолъ въ нашей ученой литературѣ много руководящихъ трудовъ, между которыми первое мѣсто принадлежитъ сочиненію Аванасьева „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“. Скуднѣе ученыя пособія, которыми авторъ могъ воспользоваться для изученія дѣйствія, оказаннаго язычествомъ на ходъ усвоенія христіанства русскими (труды по этому предмету г. Знаменскаго, Щапова и нѣкотор. др.). Пользуясь указаніями этихъ руководствъ и пособій, а также собственными наблюденіями, собранными при спѣшномъ изученіи обширнаго и разнообразнаго матеріала, авторъ разрѣшаетъ свою задачу въ такомъ порядкѣ. Въ первой главѣ онъ сдѣлалъ краткій очеркъ міеологіи русскихъ славянъ въ связи съ ихъ бытомъ, во второй исторически прослѣдилъ отношеніе русскаго язычества къ христіанству, постепенное смѣшеніе перваго съ послѣднимъ въ религиозномъ сознаніи народа, обозначивъ, какія стадіи прошло это „двоевѣріе“ по мѣрѣ углубленія религиознаго сознанія въ сущность христіанства, въ третьей выяснилъ, какъ подъ вліяніемъ язычества складывалось у русскаго народа общее пониманіе христіанства, наконецъ, въ четвертой прослѣдилъ въ подробностяхъ, какъ подъ вліяніемъ языческихъ представленій шло усвоеніе отдѣльныхъ предметовъ христіанскаго вѣроученія и правоученія.

Полное рѣшеніе задачи требуетъ тщательной критики источниковъ, точнаго анализа фактовъ, отчетливаго и осторожнаго обобщенія явленій. Авторъ понималъ всѣ трудности своего дѣла, особенно разнообразіе источниковъ и недостатки ихъ критической обработки. Но онъ взялъ вопросъ въ посильномъ для себя объемѣ, собралъ и свелъ къ своимъ итогамъ наиболѣе прочно поставленные выводы изслѣдователей, уяснивъ ихъ себѣ помощію наиболѣе доступныхъ данныхъ, сохранившихся въ старинныхъ памятникахъ русскаго двоевѣрія. Авторъ не всегда точно и отчетливо объ-

ясняетъ причины явленій. Во второй главѣ, объясняя вліяніе язычества на общее пониманіе христіанства русскимъ народомъ, онъ относитъ на счетъ язычества древнерусское равнодушіе къ догматическому, созерцательному содержанію христіанства и господство внѣшняго обрядоваго его пониманія, не касаясь участія, какое имѣлъ въ томъ и другомъ общій низкій уровень развитія языческой Руси, который клалъ свой отпечатокъ и на языческія ея понятія, положилъ такой же отпечатокъ и на пришедшія имъ на смѣну воззрѣнія христіанскія. Впрочемъ, изъ одной оговорки въ концѣ сочиненія (стр. 262) видно, что самъ авторъ догадывался, въ чемъ тутъ дѣло. Съ помощію собраннаго матеріала и указаній ученыхъ пособій авторъ старался выяснитъ, какъ въ продолженіе вѣковъ измѣнялся самый характеръ вліянія язычества, существовавшаго въ религіозномъ сознаніи народа сначала какъ особое *вѣрованіе* рядомъ съ христіанствомъ, потомъ какъ *обрядъ* и, наконецъ, какъ складъ мышленія, и какими путями первоначальное *двоверіе* постепенно превращалось въ *суевѣріе*.

Этотъ результатъ труда, внимательное изученіе предмета, умѣнье обращаться съ матеріаломъ и вникать въ сущность вопроса, стройность и живость изложенія — все это даетъ основаніе признать сочиненіе А. Песочина весьма хорошимъ“.

О сочиненіи студента *Смирнова Сергѣя* на тему: „Рабство въ древней Руси и отношеніе къ нему Церкви“.

„Авторъ вставилъ свою задачу въ очень широкія рамки, предпринявъ изложить исторію древнерусскаго рабства въ связи не только съ движеніемъ русскаго права и юридическаго сознанія, но и со всѣмъ складомъ быта древней Руси. Такая постановка задачи вынуждала автора, по его собственному признанію, попутно довольно подробно останавливаться на нелегкихъ вопросахъ нашей начальной исторіи (стр. 475). Такъ, излагая въ первыхъ четырехъ главахъ своего значительнаго по объему труда происхожденіе,